

Крыш

Московская киновидеостудия "Отечество" приступила к производству полнометражного художественного фильма по рассказу Владимира Жукова "Крыш". Жанр картины представляет собой "адскую смесь" иронического боевика и так называемого фильма для семейного просмотра — с участием дрессированных животных и, конечно, обязательным хэппи-эндом.

От человека, склонившегося над его ухом, пахло рыбой. Или, говоря здешним высоким слогом, деликатесными морепродуктами.

Этот странный человек, воняющий деликатесными морепродуктами, мог бы не уточнять, за какой столик и кто именно его, Павла, приглашает. И так было ясно.

Малороссийский акцент и особенно неуместный прикид слишком явно выдавали в шептуне наперсточника из какого-нибудь Мариуполя или Луганска.

На вид ему было лет тридцать, а может, и больше. Золотая фикса, костюмчик с белой рубашечкой и галстуком на кадыкастом горле, сидевший, как на огородном пугале... И этот характерный взгляд — ускользающий, будто виноватый.

Шестера, исполнитель, но по всему видно, что тертый.

Под стать ему были и остальные за тем столом. Мелкие бандюки, чувствующие себя хозяевами жизни. Видать, неспроста. Не иначе как в доле они здесь, в кабаке, а то, может, ресторатор Савелий — и вовсе ширма.

На кой он им сдался, чего прицепились? Да куражатся. Чует воронье, что нет у него защиты.

К этому бойкому приклатненному ресторанчику при выезде с кольцевой на Минку он прибился только по крайней нужде. Кабак его кормит.

Нет, он не из любителей почревоугодничать на халяву. Эти новомодные гастрономические прибабасы вроде болезненно разросшейся гусиной печенки — как ее там? да-да, фуа гра — для его желудка что удар кувалдой.

Все разносолы, которые он может себе позволить, — это постный творюжок, кашки на воде, да и то не всякие, вареная парная курятина, причем только грудки, белое мясо, ну еще овощи-фрукты — не красные, не желтые, а исключительно зеленые. А всего жирного, острого, соленого, жареного, не говоря уже о спиртном — ни-ни. Так что эти аппетитные запахи с кухни если когда-нибудь и материализуются для него, то разве что в следующей жизни.

Тесна клетка, коротка жердочка... Но и за это ангелу-хранителю на небесах приходится говорить большое спасибо. Что он и делает буквально каждое утро...

Конечно, жизнь была бы совсем тоскливой, если бы не Крыш. Старый попугай достался ему, можно сказать, по наследству — от приятеля, умершего пару лет назад. Сибарит и юморной мужик, школьный учитель истории по профессии, тот в своем клювастом компаньоне души не чаял. Он-то и научил смышленную птицу всем этим хохмочкам и прибауткам, благодаря которым Крыш стал теперь здешней звездой и его, Павла, кормильцем.

Попугай ухитрился даже сохранить некоторые интонации спокойного хозяина. И Павла иногда тянуло перекреститься, когда, просыпаясь среди ночи, он с ужасом слышал в бормотании, доносившемся с кухни, знакомые нотки.

Свое необычное прозвище Крыш получил от знаменитого военного аса. Когда попугая выпускали из клетки, он по молодости без удержу носился по тесной учительской каморке с низкими потолками, время от времени то натываясь на оленьи рога на стене, то цепляясь за притолоку, то роня старый глобус на шкафу.

При этом, подученный хозяином, он уморительно приговаривал скрипучим голосом: "Ахтунг, в воздухе Покрышкин!".

Но в своем первоначальном виде его героически-ироническое прозвище просуществовало недолго. Очень скоро оно трансформировалось в фамильярное Крышкин-Замухрышкин, а затем и вовсе укоротилось до нынешнего Крыша.

Ну а первое, чему научился наш пернатый Левитан, было сакраментальное "Разрешите взлет!". В те мгновения, когда клетку отпирали, чтобы выпустить его полетать, попугай начинал волноваться, бегать туда-сюда по жердочке и тараторил заветную фразу, как пароль.

Не менее забавно выглядело то, как прежний хозяин нацеплял в ответ свою старую дембельскую бескозырку с ленточками и, отдавая попугаю честь, торжественно объявлял: "Взлет разрешаю!".

Детвора, в летнюю пору часто облеплявшая подоконник их старого школьного флигелька, в этом месте неизменно разражалась криками восторга.

Возвращаясь обратно в клетку, попугай также не считал нужным отмалчиваться. В этом случае он обычно мудро констатировал, что "Лучше синица в руке, чем журавль в небе".

Но и этим далеко не исчерпывалась сокровищница усвоенной птицей поучительной человеческой мысли. Например, Крыш много лет, откли-

каясь на трель будильника, поднимал хозяина на работу истошным криком "Комсомолец, на самолет!". Если спящий не реагировал, вопль подкреплялся шумным хлопанием крыльев.

Когда маленькую, но гордую птичку пытались в неподходящий момент погладить, она брезгливо верещала: "Геть рукопожатие!".

Не переносил Крыш и если кто-то проявлял недостаточное внимание к его эскападам или, не дай бог, решал вклиниться в них со своими комментариями. "Ты мне клюв-то не затыкай!" — возмущенно заявлял попугай обидчику.

Имелись в крышином арсенале и не вполне джентльменские выражения из разряда "Помолчи, двуногое!", а также несколько сомнительные комплименты вроде "отвратительного самца" вкупе с "толстухой противной". Но наш герой, похоже, догадывался, что это уже явный перебор и подобного моветона, по крайней мере, на работе, не допускал.

Впрочем, в теплой компании Павел иногда позволял себе подурачиться и, бывало, украдкой показывал попугаю его любимый сухарик. То был их условный сигнал, после которого Крыш в выражениях уже мог не стесняться.

В ресторане попугаю, когда он пообвык, даже понравилось. Особенно днем, когда здесь было еще не так шумно и накурено.

Его с готовностью выпускали полетать по залу, а на мойке по секрету от босса разрешали поклевать орешки из вазочек с недоеденным мороженым.

Он даже мог запросто приземлиться на плечо к какому-нибудь из трапезничающих знакомцев и с укоризной заметить: "А ведь так и не скажешь, что страна голодает!".

Завсегдатаи ресторана уже привыкли к пернатому болтунишке, но, приводя сюда кого-нибудь впервые, все обычно с коварным любопытством наблюдали за реакцией попавшегося на новенького. А тот, услышав замогильный старческий голос откуда-то с небес, либо выпучивал глаза, застывая, что называется, с куском во рту, либо начинал в недоумении озираться, вызывая в том и в другом случае всеобщее веселье.

Между прочим, Павел и сам попал сюда случайно. Он ехал с попугаем на дачу и, увидав шикарную вывеску неподалеку от автобусной остановки, решил заглянуть на здешнюю кухню, чтобы выпросить остатки орешков или семечек.

На месте оказался Савелий, директор. Прознав в разговоре об удивительных риторических способностях птицы, он с ходу предложил бартер. Павел мог бы приходиться сюда ужинать, а в выходные и праздники — еще и обедать. А Крыш пусть в это время летает, поболтает с посетителями.

Это, так сказать, программа-минимум. "Ну а там — хоть живите здесь, — махнул рукой Савелий. — Стол и кров на двоих — за счет заведения..."

Буквально через пару месяцев ресторанчик приобрел в окрестностях такую популярность, что Савелий даже поменял вывеску. Теперь предприятие гордо именовалось "У Крыша" и светящийся носатый профиль на его фронтоне был виден издалека.

Что же до Павла, занявшего свой боевой пост за одним из дальних столиков, то местный люд из obsługi стал дружелюбно-насмешливо представлять его в своем кругу как "смотрящего" за процветающим бизнесом.

"Кого же вы у нас представляете?" — переспрашивали молоденькие официантки, решившие, что он действительно что-то вроде общественного контролера, коих и без него здесь кормилось немало. "Я — главный инспектор российско-африканского фонда защиты дикой природы", — сказнул однажды Павел. После чего к нему едва не прилепилось язвительное прозвище Африканыч.

Надо сказать, что появление Крыша проторило сюда дорожку и прочему зверинцу. Вот болонка Чарлик в своем уморительном сюртучке и со шляпой в зубах. Ежевечерне он обходит на задних лапах ближайšie к сцене столики, собирая чаевые для музыкантов.

А это — бывший цирковой макак Карпуша, прозванный так в честь горбуна из "Места встречи...". Карпуша по заказу публики отпускает звучные щелбаны проигравшимся на бильярде. Одного смачного щелчка при этом оказывается для любителей острых ощущений вполне достаточно.

Но надо видеть, как при этом почти любовно Карпуша расправляет жертве челку, освобождая "лобное место", как терпеливо ждет, пока та перестанет испуганно моргать... Дальше следует буквально пушечный выстрел, производимый оттопыренным средним пальцем примата, от которого у незадачливого юнца буквально брызгают слезы.

Но подлинным хитом нынешнего сезона стал, без сомнения, номер под названием "Лебедева Таня устанавливает мировой рекорд в тройном прыжке".

Когда в ресторане набивался полный зал, Карпушу наряжали в спортивную маечку и черные семейные трусы и отправляли изображать знаменитую прыгунью на старте. Макак, обворожительно скалясь, принимался хлопать длинными руками над головой, поворачиваясь к "трибунам" то вправо, то влево и выпрашивая таким образом аплодисменты.

Далее начиналось второе действие. Карпуша превращался в судью-стартера и уже в этом качестве давал отмашку попугаю — при этом почему-то красным октябрятским флажком.

Завершалось все тоже по отработанному сценарию. Каркнув "Кто не спрятался — я не виноват!", Крыш в три прыжка перелетал из одного конца зала в другой, приземляясь на подвешенном у потолка телевизоре. По пути он ухитрялся именно трижды оттолкнуться от голов хохочущих зрителей, вынужденных отбиваться от пикирующей "Тани" чем попало.

Затем следовал обратный перелет — уже в виде круга почета с мантией на плечах цветов государственного флага. Павел знал: за флаг в принципе могут и привлечь, но пока обходилось.

"Лебедева Таня" неизменно вызывала у разгоряченной публики состояние, близкое к групповому экстазу. Артисты же переносили его тяжело, особенно Чарлик, только начинающий привыкать к бурным проявлениям общественного внимания.

Вместо того чтобы, пользуясь моментом, заняться "чесом", пес в ужасе забивался под стол и дрожал там крупной дрожью, отказываясь работать. Выручал многоопытный Карпуша. Он брал упиравшуюся собаку на руки и уже вместе с ней отправлялся собирать дензнаки, щедро сыпавшиеся в протянутую шляпу.

Можно было себе представить, сколько доставалось за такой вечер Савелию и его людям, если только Павлу с легкостью отстегивали не меньше пятихатки.

И вот этому маленькому дурашливому спектаклю суждено было сыграть в судьбе Крыша, да и в его, Павла, судьбе, свою драматическую роль.

Если на успех прочих занятых в нем артистов никто особо не претендовал, то на попугая глаз положили сразу. Сперва предложение уступить птицу последовало как бы в шутку — за пять тысяч баксов. На третий или четвертый раз цена задралась аж до пятнадцати тысяч.

Даже по нашим обильно фонтанирующим нефтью временам это были очень солидные деньги. При этом пахан из компании "луганских", как прозвал их про себя Павел, явно не шутил.

Попугай, конечно, был ему не нужен. А если и нужен, то только как необычная говорящая игрушка, которая неизбежно надоест через пару дней.

Тут было другое: главаря оскорблял сам факт отказа, да еще публично. И от кого — от нищего доходаги-пенсионера, который сам никто и звать его никак.

В этом никчемном человечешке, собирающем крошки со стола, Пахан с растущим раздражением чувствовал противостояние, вызов — тот вызов, который до поры до времени не решались бросить ему многие правильные пацаны.

Урки вообще народ обидчивый, мнительный, ревностно относящийся к ритуальным знакам уважения к своей персоне. Пахан как-то поинтересовался у Павла насчет фразы "Геть рукопожатие!" — к чему, мол, это, в чем тут фишка?

Павел от экскурса в историю уклонился — чтобы лишний раз не изображать из себя шибко умного. Предпочел отшутиться: попугай, мол, опасается, что не особо чистоплотные посетители могут заразить его орнитозом.

Шутка была вполне в духе всего остального попугайского юмора. Но Пахан не улыбнулся даже из приличия. И Павел с изумлением и досадой понял, что тот все равно умудрился воспринять сказанное как обидный намек на свой счет.

Вместе с тем, как он потом понял, решить любую проблему с Паханом было довольно несложно. Кроме денежной, естественно. Для этого надо было просто при всех бухнуться ему в ноги и запричитать "Не губи, отец родной!". Ну не буквально, конечно, но что-то вроде того. Тот оказался бы вполне удовлетворен и отстал бы, да еще, войдя в роль дона Корлеоне, взял бы под свое покровительство, а то, может, и денег бы дал...

Оставалось только подыграть, только один-единственный разок сделать над собой усилие. Но Павел знал, что не сможет.

На зрителей ему было наплевать. Потеряв лицо — как с самим собой-то потом жить? Понты дороже денег — пожалуй, это был принцип и его тоже, пусть и не облеченный в столь яркую афористичную форму.

И он понимал, что ничего не может изменить в грядущей предопределенности событий. Как и то, что Крыша однажды просто отнимут. Отнимут внаглую, безо всяких пятнадцати тысяч, но главное — в конце концов погубят.

Конечно, разумнее всего было бы просто по-тихому выйти из игры. Забрать попугая и уехать куда-нибудь подальше, может, даже в другой город. Да он и рад был бы. Но эти — не дадут.

Он ведь теперь вроде как в деле, часть прибыльного бизнеса. Все думают, что "луганские" здесь свои лохотронские деньги отмывают, а уж что там за этими деньгами, так сказать, вторым эшелонам — один бог знает. Может, доходы от казино подпольного — от лишних, неучтенных столов или даже целых залов, а может, наркота.

А то и совсем грязное — откупные от торговли людьми. В дни выборов Павел где-то прочел, чуть ли не на уличном столбе, что на такие деньги пол-Москвы отстроено. Но об этом не хотелось и думать.

А где криминальные деньги — там цена человеческой жизни медная копейка в базарный день. Что уж говорить о каком-то попугае?

А если эти учуют, что Павел решил соскочить... Тут и начнется знакомая разводка, сколько он уже наслушался таких за эти несколько летних месяцев... "Да мы вложились...", "Да у нас теперь убытки...", "Да мы людей подвели..." И т. д. и т. п. И все закончится известно чем — "счетчиком".

Павел подумал было обратиться за советом к "пиковым". Это была еще одна блатная компания, что-то вроде землячества, собиравшегося в другом конце зала и, как правило, в дни и часы, не совпадающие с "луганскими". Но он сразу же отказался от этой затеи: тут можно было так завязнуть, что и те и другие обложили бы его и рвали бы с двух сторон, как две своры одичавших псов.

Был еще один выход, довольно элегантный: на глазах у всей этой шушеры как бы случайно выпустить попугая на волю. Просто забыть однажды закрыть окна в зале — и вся недолга.

Он готов был пойти и на это — лишь бы спасти любимца. Но ведь Крыш — не щегол какой-нибудь. Даже если найдет открытую форточку — не факт, что захочет упорхнуть. А захочет — так далеко не улетит. А если даже улетит, так сам и вернется: где тут, дескать, ваша синица в руке?

Эти, конечно, обо всем догадаются, но промолчат. А потом накажут по-своему. Вызовут на разговор, навалятся толпой, прицепятся: не уследил, мол. И под этим предлогом птицу опять-таки отберут.

Павел знал: наступит день, когда все должно будет решиться. И он приближался.

В то утро воры хоронили кого-то из своих. Судя по атмосфере за поминальным столом, покойный оставил этот мир без посторонней помощи. Но в криминальной иерархии то был человек явно не последний.

Дорогих иномарок с тонированными стеклами и блатными номерами скопилось на стоянке у входе немерено. Да и с Паханом гости держались, как минимум, на равных. Паханских же шестерок в этот раз было немного, да и те пристроились за отдельным столиком.

И еще кое-что бросилось Павлу в глаза... Блюда подавались сплошь диетические. Водки тоже было совсем немного, в основном — минералка, соки. Уже по одному этому легко вычислялся рейтинг сходки в воровском мире.

Секрет тут был прост. В последние год-два на волю начали "откидываться" те, кому довелось в начале 90-х поучаствовать в самых первых и самых беспощадных разборках за сферы влияния в городе. Те, кто тянул потом реальные сроки, кто уходил на зоне в отказ и, так и не ссученный, месяцами чалился в шизо, кто жрал не грузди, а гвозди, потом по кусочкам оставляя себя в операционных тюремных больничек...

С возвращением этих людей возвращалось и время прежних счетов. Старая воровская каста, консолидируясь, поднимала голову. А значит, за ее расположение на всякий случай стоило побороться. И Пахан, игравший сегодня роль гостеприимного хозяина, стремился не ударить лицом в грязь.

Павлу очень не хотелось в этой ситуации оставаться в зале. И он с удовольствием отсиделся бы где-нибудь в подсобке... Но... известные обстоятельства требовали не упускать Крыша из виду...

Отзвучали тосты, пространные и витиеватые, как это всегда бывает в подобных случаях. Музыканты "по просьбам трудящихся" затянули "Таганку", затем "Мамзель" и "У Сани все ништяк", а в завершение даже выдали что-то из Бичевской. Наконец Пахан решил немного поразвлечь загрузивших гостей "Лебедевой Таней".

Потом к столу позвали Павла. Видно было, что гости уже позволили себе пригубить водочки, может, еще кое с чем вприкуску. Рожи у бандюков были красные, но, слава богу, не злые.

— Ну шо, Павло, — через стол заговорил Пахан. — Не надумал еще продать мне Крыша? Двадцать пять штук зелени даю — вот тебе мое последнее слово...

Гости, не знавшие всей подоплеки вопроса, по тону, которым это было сказано, почувствовали некую интригу. Градус напряжения за столом сразу поднялся на несколько пунктов. Ну, была не была!

"Пятьдесят, — выпалил Павел. — Пятьдесят тысяч — и Крыш твой".

На несколько секунд воцарилось молчание. "Ты че, сдурел, фраер?" — тонким голосом выкрикнул за его спиной кто-то из шестерок.

"Малой, принеси", — мрачно буркнул Пахан, не глядя на Павла, и это был дурной знак.

Малой побежал куда-то — краем глаза Павел видел, что не на улицу, а в подсобку, принес. Гости тем временем приняли еще по маленькой. "Сегодня тебе крупно повезло, очень выгодная сделка", — со значением произнес Пахан, передавая стопку из перетянутых резинками пачек, которые в определенных кругах уважительно называли "двойными котлетами". И по его тону Павел лишний раз убедился, что расчеты меж ними вовсе не закончены.

Он уже знал, что последует дальше. Завтра (хотя почему "завтра" — сегодня, пока деньги на виду) к нему подвалит какая-нибудь паханская дешевка: так, мол, и так... Гриша надясь выпил лишнего... Ну, ты понимаешь... Одна косуля, уговорил, твоя, а остальное ты уж, голуба, того, верни... Тебе же спокойнее будет...

В общем, времени у него оставалось не так много.

Авторитетные гости разъехались еще засветло и "луганские" органично продолжили застолье уже в своей узкой компании.

Пост разом закончился, и официанты прытко понесли на стол много водки, а к ней — рыбку красную и белую, балычок, икорку и, как водится, тазик оливье. Как ребята исконно деревенские, налегали урки и на зелень — петрушечку с укропом, лучок... Но главным блюдом стола все же оставалась куча другой зелени — той, с которой вся эта свора буквально не сводила глаз.

Пахан, конечно, помнил, что Павлу пить было никак нельзя, но со злым упрямством настаивал, что надо обязательно обмыть сделку. И тому пришлось-таки осушить пару стопарей.

Павел знал, сколь недвусмысленно по этому поводу будет протестовать назавтра каждая клеточка его бедного тела. Но понадеялся, что если оно раз в пять лет — а вдруг да и пронесет.

Когда музыканты ушли на очередной перерыв, он понял, что настает его выход.

"Как же у нас Карпуша забавно щелбаны бьет! — не очень трезвым голосом объявил Павел соседям по столу. И заметив, что Пахан прислушивается, добавил, пьяно икнув: — Вот даже такой крепкий мужчина, как ты, Григорий, даже такой не сможет удержаться... моргнет. Я — так точно не выдержу".

Это он, конечно, скромничал: после карпушиных пальчиков у "крепких мужчин" месяц не сходил фингал в пол-лица, но Григорий ведь мог этого наверняка и не знать.

Все локальные междусобойчики за столом постепенно затихли. Пахан, налившись кровью, уставился на запотевший графин, стоявший напротив. Павел почувствовал, что ступил на лезвие бритвы. Но, как пишут в бульварных романах, отступать было уже поздно.

Для пущей убедительности он снова икнул (или это так выходило само собой?). "Ставлю весь полтинник, — нетвердым движением тыльной стороны ладони Павел подвинул "котлеты" в сторону своего визави, — что не удержишься, моргнешь".

Пахан молчал, будто что-то прикидывая. Павел подумал, что для него, как никогда в жизни, вполне реально сейчас схлопотать вот этим графином по темечку. Но, видно, помогло спиртное. "А давай!" — неожиданно согласился Пахан.

— Гриш, да ты чего, не надо, — вразной загундели вокруг.

— Цыть! — огрызнулся тот. — Тащите Карпуху!

Макак не подкачал. Его палец опустил на паханский лоб, как бейс-

большая бита. Но тот — действительно даже не моргнул, стервец. Правда, физиономия его быстро стала приобретать оттенок спелой малины.

Герою посоветовали приложить холод, кто-то даже протянул через стол ведро со льдом, но тот только отмахнулся. "А щас мой... — он сделал ударение на последнем слове, — ...мой любимый попугай Крыш исполнит "Лебедю Таню" на бис!"

Открыли клетку с попугаем. Из подсобки вывели уже совсем сонного, едва ковыляющего Карпушу, вдели его в трусы, напялили зеленый парик "а ля Таня в Барселоне"...

Павел старался не глядеть в ту сторону, но Пахан такого неуважения допустить не мог: "Что не смотришь на моего попугая? Смотри!"

Покрышкин взлетел над залом явно тяжелее обычного, но публика, судя по шумным проявлениям нетрезвого восторга, ничего не заметила. И уже на обратном пути, завершая перелет, ас вдруг покачнулся в воздухе и вяло спикировал на один из столов.

Павел сорвался с места и бросился туда. Крыш лежал лапками кверху, коготки судорожно подрагивали. Он едва дышал. Компания девиц за столиком вытаращилась на происходящее с неподдельным ужасом. "Крышник, что с тобой? — у Павла сдавило горло. — Пропустите, ему нужен свежий воздух!"

"Он умирает, надо срочно к врачу", — веско произнес в толпе чей-то знакомый голос. Прибежал Савелий с коробкой, устланной тряпьем. В нее бережно перенесли попугая.

Люди Пахана, надо отдать им должное, не растерялись, два переполненных джипа — Павлу едва хватило места в одном из них — резво понеслись в сторону центра. По дороге названивали по ближайшим ветлечебницам.

В одной из них попугая тут же осмотрели. "Ничего страшного, похоже, небольшое отравление", — сообщил молодой ветеринар. Птице аккуратно, через маленькую клизмочку, промыли желудок. "А что это у вас с лицом? — сочувственно поинтересовался доктор у Пахана. — Вам надо бы в травмпункт". Криво усмехнувшись, тот зыркнул на Павла. Попугая укутали в чей-то пиджак и унесли. О Павле никто даже не вспомнил.

Через несколько дней он зашел в кабак попрощаться — улучив момент, когда "луганских" наверняка не было в зале.

Сарафанное радио сообщило, что Пахана стали называть за глаза Ушибленным, а Крыш после болезни замолчал. И "Лебедевой Таней" он быть больше не хочет. Пахан говорит: сглазили животину, но думает, что попугай еще восстановится. А пока пытается учить птицу новым словам,

хочет повезти ее к себе на Украину, показать родне. Да еще хвалится друзьям, что отдал за Крыша аж пятьдесят штук зеленых.

Павел поблагодарил ребят с кухни: мол, "до свиданья за все". То был уже не Крыш — этой фразой увековечил себя кто-то из тех же "луганских", будучи в тот момент не вполне в ладах не только с русским, но и с собственным языком.

Обнялись с Савелием. И Павел поймал себя на том, что рука потянулась было привычно зачерпнуть на прощанье пригоршню фисташек с плиты.

...На даче было пустынно и промозгло. Меж снопами пожухлого бурьяна гулял ветер, в подполе скреблись мыши.

Павел запер дверь, давно державшуюся на честном слове, и, навьюченный поклажей, двинулся к калитке, когда из-за забора его окликнули. Гостей было двое.

— Павлуха, ты хитрый, но мы тоже не дураки, — заговорил первым Малой. — Пусть я не такой ученый, но то, что попугая ты подменил, все ж таки допер... Этот и поменьше Крыша будет, и окрас у него немного другой...

Павел молчал.

— А давай-ка, голуба, посмотрим, что там у тебя в коробе...

Гости легко перемахнули через плетень. Павел попытался запротестовать, спрятать ношу за спину. Его грубо оттолкнули, отняли и короб, и рюкзак.

Напарник Малого достал нож-складень, одним движением перерезал веревки и... Разочарованию этих двоих не было предела. Из кучи ветоши высунулась обаятельная щенячья морда.

Видно, подражая Пахану, Малой помолчал несколько секунд. С понтом дела — обдумывал ситуацию.

— Одного я все ж таки не пойму, — произнес он, наконец. — Когда же ты попугая подменить успел? Ведь все было у нас на глазах...

И тут Павел впервые увидел, какие они, глаза этого человека. Малой смотрел в упор, и прозрачно-серые глаза его были совсем не виноватыми, а жесткими и враждебными.

Наперсточники — тонкие психологи и изощренные физиономисты. Сама профессия обязывает. И Павел точно знал, чего тот ждет. Конечно, не конкретного ответа — реакции. Дрогнешь, дашь зацепку — и рискованная игра в кошки-мышки возобновится на новом, уже более опасном витке.

Но как за мгновения выбрать правильную интонацию? Какая верней? Изобразить благородное возмущение? А может, недоумение: мол, моя твоя не понимает?

Павел предпочел третье: он просто промолчал. Хотя нет, не просто — еще как в детской игре "замри-отомри" он усилием воли остановил на своем лице то выражение, которое было на нем до вопроса Малого. И доморощенный полиграф не сработал.

Когда визитеры удалились, Павел для страховки на всякий случай еще осторожно выглянул им вслед. Затем выпустил щенка на травку и, порывшись на дне короба, извлек из вороха дачных тряпок спеленутое тельце.

"Отвратительный самец! Помолчи, двуногое! Двуногое!" — разнеслись по участку возмущенные крики, едва Павел стащил резиновое колечко с крючковатого клюва. Что? Этот негодник даже попытался щипаться!

Примерно в километре отсюда, на кругу, где разворачиваются автобусы, их уже больше получаса ждала зафрахтованная Павлом машина. 500 рэ — конечно, ох как ощутимо для его пенсионерской заначки, но ему так жалко было запихивать Крыша обратно на дно короба, что было бы неизбежно для рейсового автобуса.

Ну сколько раз можно надурить профессиональных шулеров? Да еще их же собственным приемом? Правильный ответ: ни разу. Если сильно повезет — максимум раз.

Ему уже сильно повезло. Дважды. Первый раз — тогда в кабаке. На самом деле коробок с тряпьем, что притащил для Крыша взволнованный Савелий, было... две. Просто обе они были аккуратнo склеены между собой днищами.

И попугаи тоже были в двух экземплярах. В нижней коробке уже лежал напичканный снотворным "двойник", в верхнюю уложили успокоенного такой же дозой лекарства Крыша.

Дальше по дороге к машине осталось лишь незаметно перевернуть коробку и под любым предлогом вынудить кого-то из "луганских" взять птицу в руки.

Слава богу, обошлось без серьезных накладок, и Павел остался "забыт" у дверей ветлечебницы с Крышем подмышкой. Хотя где-то он все же не доиграл, что-то не подумал. Иначе Малой с напарником не были сегодня бы здесь.

"Ты мне клюв-то не затыкай! Комсомолец, на самолет!" — донеслось из короба.

"Да-да, родной, на самолет, — в тон попугаю рассеянно ответил Павел, хотя билет у них был в маленький и уютный приволжский городок, до которого им предстояло только плыть. Только плыть и плыть. — Взлет разрешаю!" И еще в одном, Крышуля, ты оказался прав: журавль — хорошо, но синица в руке — оно куда как вернее...

Москва